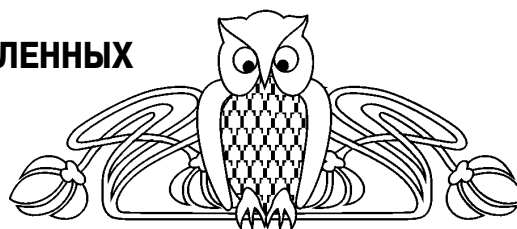

- ²¹ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 15. 13–15.
- ²² Города: Саратов, Балашов, Вольск, Аткарск, Петровск, Ртищево.
- ²³ Города: Хвалынский, Балаково, Новоузенск, Бальцер (Красноармейск). Рабочие посёлки: Аркадак, Горный, Красный текстильщик, Баланда, Ершов.
- ²⁴ См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 22–24, 39–41.
- ²⁵ Советский рабочий класс... С. 397.
- ²⁶ Там же. С. 398.
- ²⁷ См.: Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. Л., 1985. С. 43; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 522.
- ²⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2484. Л. 14.
- ²⁹ Как правило, это были колхозы бывшей Немецкой республики, заселённые эвакуированными горожанами, из-за безграмотных и непродуманных действий руководства страны и области, не «блиставшие» трудовыми подвигами.
- ³⁰ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 219. Л. 66; Д. 222. Л. 63–64.
- ³¹ См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной... С. 76–77.
- ³² ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2313. Л. 165–166.
- ³³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2886. Л. 26–30.
- ³⁴ Там же. Д. 2678. Л. 45, 66.
- ³⁵ См.: Олехнович Г.И. Помощь белорусского народа сражающейся Родине // Советский тыл в Великую Отечественную... С. 348; Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 217.
- ³⁶ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 1. Л. 84.
- ³⁷ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 220. Л. 161.
- ³⁸ Там же. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 1. Л. 239.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-2052. Оп. 9а. Д. 29. Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Л. 20.
- ⁴¹ Там же. Л. 1, 20.
- ⁴² Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 188–189.
- ⁴³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2678. Л. 100–101.
- ⁴⁴ Там же. Д. 2752. Л. 85.
- ⁴⁵ См.: Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 78–79.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 6. Л. 43.
- ⁴⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3371. Л. 12–14.
- ⁴⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2679. Л. 8–9.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 2. Л. 232.
- ⁵⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2305. Л. 91–94; Д. 2373. Л. 73–75.
- ⁵¹ Там же. Д. 3807. Л. 132 об.
- ⁵² ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 2. Л. 28.

УДК 355.257.72:94(571.1)

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ ЛАГЕРЯХ НКВД-МВД СССР И ЕГО РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА

Н.М. Маркдорф

Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета
E-mail: nmmark@mail.ru

Антифашистское движение оказало значительное влияние на производительность труда военнопленных в Западной Сибири в послевоенные годы. Администрация лагерей возлагала большие надежды на антифашистские комитеты по формированию в среде военнопленных навыков высокопроизводительного труда и роста его эффективности; снижение производственного травматизма, заболеваемости и смертности; разоблачение саботажников, вредителей, подстрекателей, участников подпольных формирований и групп. «Воспитание» новых сторонников социалистического строя происходило с большим трудом и зачастую наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а иногда открытую конфронтацию и реваншистские настроения контингента лагерей. Тем не менее, с помощью антифашистских комитетов в лагерях, спецгоспиталях, рабочих батальонах удалось существенно сократить количество диверсий и саботажа, снизить производственный травматизм, что, безусловно, повлияло на укрепление режима и организацию трудового использования военнопленных в Западно-Сибирском регионе.

Ключевые слова: антифашисты, организация труда, Западная Сибирь, военнопленные, социалистическое соревнование, производительность труда, Политотдел.

Anti-Fascist Movement of Prisoners of War in the West Siberian Camps of the NKVD-MVD USSR and its Role in Organizing the Labor Process

N.M. Markdorf

Anti-fascist movement had a significant impact on the productivity of prisoners in Western Siberia in the postwar years. Camp Administration placed great hopes on the anti-fascist committees to build skills in an environment of war high labor and the growth of its efficiency, reduction of occupational injuries, illnesses and deaths; expose the saboteurs, wreckers, instigators, participants in the underground formations and groups. «Educating» new supporters of the socialist system took place with great difficulty and often hindered by a lack of understanding, active resistance, and sometimes open confrontation and revenge mood contingent camps. Nevertheless, it, with the help of anti-fascist committees in the camps, spetsgospitalyah, labor battalions managed to significantly reduce the

number of subversion and sabotage, to reduce occupational injuries, which certainly influenced the strengthening of the regime and the organization of labor of prisoners of war in the West Siberian region.

Key words: antifascists, organization of labor, prisoners of war, Western Siberia, socialist competition, productivity, the Political Department.

Значительное влияние на производительность труда и судьбы военнопленных в Западной Сибири в послевоенные годы оказывало развернутое в лагерях антифашистское движение. Антифашистская работа стала проводиться с военнопленными с первых дней их пребывания в лагерях НКВД. Ее целью в период войны было перевоспитание пленных и превращение их в друзей СССР, подготовка антифашистских кадров, которых можно было использовать в работе не только по разложению войск и тыла противника, но и по возвращению их на родину. До января 1946 г. руководство антифашистской деятельностью в лагерях было возложено на оперативные отделения, в НКВД-МВД – на оперативные отделы, при которых имелись группы и отделения по антифашистской работе¹.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б) МВД СССР 19 октября 1946 г. создало при ГУПВИ политический отдел. В декабре политотделам и политчастям при Управлениях лагерей Тюменской, Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края передано руководство политико-воспитательной работой в антифашистских школах и курсах. В послевоенный период главным направлением их деятельности стала антифашистская агитация и пропаганда – распространение знаний основных положений марксизма-ленинизма с целью обратить основную массу военнопленных в активных участников борьбы против фашизма, готовых содействовать поражению противника и строительству новой Германии. Были и более дальние перспективы – использование военнопленных коммунистов и антифашистов в качестве своеобразной «опоры» при решении политических вопросов послевоенного устройства европейских стран. В свою очередь, антифашистская работа среди военнопленных была направлена на осуществление следующих целей: 1) формирование навыков высокопроизводительного труда и роста его эффективности; 2) снижение производственного травматизма, заболеваемости и смертности; 3) выявление саботажников, вредителей, подстрекателей, участников подпольных формирований и групп.

К антифашистской работе привлекались начальники лагерных отделений, заместители по производству, снабжению и режиму, медработники, коммунисты и комсомольцы гарнизона конвойных войск. Из числа военнопленных выявлялись коммунисты, «сочувствующие» и активисты, желающие заниматься агентурной и агитационно-пропагандистской работой. Параллельно с формированием антифашистского актива большое

внимание уделялось росту его идейного уровня. При этом основными формами являлись текущие собрания и совещания, обмен опытом по подведению итогов в решении злободневных проблем – повышения эффективности труда, снижения производственного травматизма, заболеваемости и смертности в лагерях. Каждая национальность имела свой актив, который до начала 1947 г. подразделялся на «узкий» и «широкий». Таким образом, антифашистская и идеологическая деятельность протекала дифференцированно, но с учетом национального менталитета и контролировалась инструкторами политработы лагерных отделений.

Как правило, в собраниях и совещаниях актива принимали участие администрация лагерей, оперативные и политработники. При этом в узкий актив зачислялись наиболее политически грамотные, устойчивые и последовательные антифашисты из числа широкого актива. Узкий актив состоял из таких военнопленных, которые ежедневно участвовали в политической и культурно-массовой работе и составляли существенную опору для политотделов лагерей. В своей работе узкий актив был подотчетен широкому активу и собранию антифашистов. На совещаниях активов, возглавляемых старшими антифашистами, заслушивались и обсуждались доклады о работе стенной печати, о состоянии производственной деятельности лагерей, об агитационной, пропагандистской и культурно-массовой работе.

Наряду с центральными антифашистскими школами (спецобъектами) с 6-месячным сроком обучения действовали кружки и курсы (1–3 месяца), действующие на основе специально разработанной идеологической программы. Их учебная тематика разнообразием не отличалась и сводилась к следующим основным разделам: «сущность советского социалистического строя», «развитие Лениным и Сталиным основных положений Коммунистической партии», «история классовый борьбы в соответствующей стране военнопленных», «вопросы международной политики», «антифашистская работа в лагерях»². Кроме того, обучение антифашистов немецкой национальности предусматривало специальную подготовку врачей, работников газет, профсоюзов, культурных, молодежных организаций, пропагандистов народных предприятий и машинопрокатных станций. К 1949 г. была разработана особая программа для труда военнопленных в Обществе по изучению культуры СССР³.

В качестве слушателей областных курсов в обязательном порядке отбирались лица с образованием не ниже 7 классов, преимущественно в возрасте 25–30 лет, с хорошими физическими данными и с «подходящим идеологически» социальным статусом, в основном выходцы из рабочих семей. В свою очередь, учитывались добровольцы и перебежчики, проявившие себя на фронтах войны, а также лица, подвергавшиеся репрессиям в Германии⁴.

На основании Приказа МВД СССР в 1947 г. начал деятельность институт функционеров по антифашистской работе, в соответствии с которым в лагерных отделениях были утверждены освобожденные от какой-либо иной, кроме идеологической работы, функционеры по немецкому, японскому, венгерскому и румынскому секторам, а также пропагандистские лекторские группы. Регулярными стали обучающие семинары по методике и содержанию их политической деятельности. Всего за время существования лагерей НКВД-МВД в Западно-Сибирском регионе были подготовлены и приступили к деятельности 670 человек, лекторов пропагандистских групп – около 170⁵. Таким образом удалось поднять на более высокий уровень практически все формы и методы политико-воспитательной работы.

Начиная с 1947 г. благодаря активизации политико-воспитательной, агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работы происходит рост числа военнопленных, по различным мотивам присоединившихся к движению антифашистов. Например, на 1 января 1947 г. в крупнейшем в Кузбассе лагере № 525, насчитывавшем в это время 10 074 чел., уже 300 чел. влились в ряды антифашистов. В марте они объединились в 12 политкружков, охватывающих не только членов антифашистского актива, но и просто всех желающих. Если к концу первого полугодия 1947 г. в лагере проводили политические занятия более 20 политических кружков с численным составом 526 чел., то на начало 1948 г. уже более 10% военнопленных занимались в данных политструктурах. Стали более разнообразными формы и методы политической работы: индивидуальные и групповые беседы, лекции, собрания, конференции, на которых принимались воззвания и обращения, распространялись газеты, журналы, художественная и политическая литература на иностранных языках, демонстрировались советские кинофильмы, был организован выпуск стенных газет. В ряде лагтерделений созданы общелагерные духовые оркестры, музыкальные, хоровые, драматические кружки и агитбригады, действовали радиоузлы, организованы и укомплектованы тщательно подобранной литературой лагерные библиотеки. К 1947 году библиотечный фонд только 525-го лагеря насчитывал более тысячи экземпляров книг, газет и журналов⁶.

В январе 1948 г. институт функционеров из числа антифашистского актива был заменен в лагерных отделениях выборными антифашистскими комитетами. Всего в Западно-Сибирском регионе их действовало 7, в них вошли 127 чел. Задачи общественных организаций военнопленных определялись как руководство всей деятельностью антифашистского актива, так и оказание помощи администрации лагерей в организации трудового процесса, сохранении физического состояния военнопленных и поддержания дисциплины и порядка. Как показала практика, дан-

ные мероприятия себя оправдывали не всегда. В своей основе их лидеры доверием контингента лагерей не пользовались, так как выполняли осведомительские функции, поэтому сыграть существенной роли в предотвращении, разоблачении враждебных организаций и повлиять на улучшение производственной сферы не смогли. О фактах негативного отношения к антифашистскому движению свидетельствуют многочисленные угрозы в адрес его лидеров, фиксируемые агентурой и осведомителями по всем лагерям. В этой связи наиболее характерно высказывание военнопленного Вилли Мейстера: «...было бы глупо превращать коммунистов в национал-социалистов, но почему из нас насильно хотят сделать антифашистов. Почему из меня хотят сделать настоящего борца за коммунизм. Приходится просто поражаться неразумности русских. Большинство русских ругают Гитлера, а сами забывают (называет Вождя народа), что он ограбил банк и сидел в тюрьме...». Военнопленный Рихтер Адам: «Даже если Германия войну проиграла, и пока жив хоть один немецкий солдат, то он будет бороться против русских и видеть в каждом из них своего врага. Доверия к “кашистам” нет...»⁷.

Чем активнее действовали «школы коммунизма» (антифашистские комитеты), тем активнее становилось идеологическое сопротивление их деятельности. Так, например, в период предвыборной кампании в антифашистский комитет в лагере № 93 Тюменской области была разоблачена профашистская группа, состоящая из офицеров, инженеров и военнопленных врачей, считающих себя членами КПГ, пытавшихся повлиять на ход выборов и распространяющих листовки с призывами «научить русских демократии»⁸.

На основании директивы МВД СССР № 102 от 22.05.1947 г. лучшие производственники-антифашисты репатриировались на родину. Однако количество передовиков производства не превышало 14–20%, поэтому ударный труд для основной массы военнопленных гарантом освобождения не стал. Как следствие – оперативные отделы и антифашистские комитеты констатировали ухудшение морального климата и негативное отношение к военнопленным, выполняющим и перевыполняющим производственные нормы⁹. Однако в сравнении с немецкими движение сопротивления в японских лагерных отделениях было значительно выше, что во многом объяснялось особенностями менталитета последних.

Наряду с политико-воспитательной работой применялось и политическое давление, идеологическая «обработка», искусственно поддерживался страх за жизнь в случае отказа от «учебы». Лагеря для военнопленных формировались как своеобразные закрытые «политические институты», в которых складывалась своя «лагерная культура» с определенными нормами поведения и духовными ценностями. Довольно значительную роль в судьбе бывших солдат и офицеров Третьего

рейха играло их положение в структуре лагерной иерархии, в системе агентурно-осведомительской сети, которая стала «нормой» в повседневной жизни контингента лагерей¹⁰.

В свою очередь, в обязанности антифашистских комитетов вменялись наблюдение за количеством и качеством производственных заданий, выявление исполнителей диверсионных актов, злостных саботажников и членовредителей, а также гражданских лиц, имеющих «несанкционированную» преступную связь с пленными на производстве. С этой целью был принят ряд мер по предотвращению эксцессов в виде голодовок, членовредительства, умышленной порчи оборудования, «промота» лагерного имущества, побегов со стороны «реакционных» групп военнопленных.

Борьба за превосходство на идеологическом фронте в условиях усиливающейся конфронтации между двумя противоположными системами определяла своеобразные особенности эпистолярного жанра военнопленных. Письма военнопленных-антифашистов на родину во внешнеполитической стратегии Советского государства должны были служить безоговорочным аргументом преимуществ социалистической системы перед капитализмом и «свидетельствовать» всему миру, что бывшие военнослужащие Вермахта и Квантунской армии, попавшие в плен, живы, здоровы и не нуждаются ни в чем. Жесткая цензура отбирала только те письма, в которых отражалась исключительно позитивная информация, свидетельствующая о соблюдении Советским Союзом норм международного права. Тщательно подобранная (а иногда и сфабрикованная) корреспонденция отделом агитации и пропаганды регулярно направлялась в сектор иностранного радиовещания. Часть писем передавалась Главному политическому управлению РККА для разбрасывания их с самолетов над Германией, Румынией, Венгрией¹¹.

Агитационно-пропагандистским пафосом были проникнуты высказывания и заявления бывших нацистов на собраниях и митингах, в средствах лагерной информации, в «написанных» под диктовку обращениях в адрес «вождей Советского Союза» перед отправкой военнопленных на родину, широко тиражируемых антифашистскими политактивами лагерей всеми доступными средствами¹².

После войны в деле воспитания контингента военнопленных имелось немало иных трудностей. Слабое физическое состояние, большая скученность в жилых помещениях, непривычно суровый сибирский климат, чрезмерное психическое перенапряжение не могли способствовать формированию здорового морального климата и вызывали у большинства военнопленных озлобленность, агрессивность, отчаяние и настроение полной обреченности («из Сибири обратной дороги нет»). Как следствие – возрастающие случаи суицида, членовредительства, самоистощения и самообморожения. Наиболее агрессивно и отчужденно

держались бывшие офицеры Квантунской армии, для которых сама мысль о жизни в плену была невыносимой. Не сумев самостоятельно справиться с приобретающей катастрофические масштабы проблемой, администрация лаготделений возлагала большие надежды на антифашистские комитеты.

Антифашистские комитеты из числа пленных проводили большую агитационную, политическую и культурную работу, тесно связанную с производственными задачами лагеря. Попытки решить хозяйственно-бытовые проблемы обитателей лагерей, повседневное внимание к запросам и нуждам военнопленных со стороны данных организаций все же способствовали росту их авторитета, но в то же время к лидерам антифашистского движения по-прежнему относились скептически, считая многих из них изменниками присяге и воинскому долгу, приспособленцами, «приспешниками» в корыстных целях лагерной администрации.

Антифашистское движение пыталось оказывать влияние на снижение показателей производственного травматизма. Его главная причина заключалась в неудовлетворительном соблюдении техники безопасности как персоналом, так и самими военнопленными рабочими. К тому же расследование случаев тяжелого травматизма со смертельным исходом, если это касалось военнопленных, проводилось формально. Администрация трестов и шахт полагалась на антифашистские комитеты и местные партийные организации, которые проводили соответствующую агитационно-пропагандистскую, разъяснительную и просветительскую работу и тем самым способствовали распространению среди военнопленных необходимых знаний по технике безопасности. Следует отметить, что к 1948 г. благодаря неустанной работе с личным составом руководство и антифашистские центры западносибирских лагерей сумели добиться снижения производственного травматизма в три раза¹³.

Лагеря для военнопленных включались в социалистическую плановую систему со всеми ее достижениями и уродливыми проявлениями. В ознаменование различных политических событий, годовщин и революционных праздников широко развернулось трудовое социалистическое соревнование между бригадами, лавами, сменами, ротами и батальонами. Получило распространение и индивидуальное соревнование. Через все доступные лагерю средства массовой информации широко пропагандировался передовой опыт. Учреждались переходящие Красные знамена. Выявлялись лучшие производственные коллективы, которые награждались денежными премиями. Фотографии передовиков производства вывешивались на доску почета.

Например, в январе 1949 г. в режимном лагерном отделении № 7, обслуживавшем угольные предприятия треста «Куйбышевуголь», в

трудовом соревновании, посвящённом памяти В.И. Ленина, вторая рота добилась выполнения государственных норм выработки на 128%. Взвод военнопленного командира Трайтван выполнил государственные нормы на 241%. В лагерном отделении № 4, личный состав которого использовался на строительстве шахты «Красногорская», из 27 бригад, принявших участие в соревновании, 13 перевыполнили нормы выработки, а бригады военнопленных Кобояси Хидео и Сасодзакки Отогару перекрыли план на 185% и 168%. В первом полугодии 1949 г. многие бригады, встав на вахту в честь 31-й годовщины Советской армии, добились значительных результатов. Бригады Блеке и Райнштайн выполнили месячные нормы соответственно на 193% и 215%. Лучшим производственным бригадам присваивались имена Карла Либнехта, Эрнста Тельмана и Адольфа Геннеке – забойщика из Саксонии, который 13 октября 1948 г. установил рекорд по добыче угля и стал своеобразным символом социалистического стахановского движения. С апреля 1949 г. в лагерях МВД в Западной Сибири начинает развиваться геннековское движение. Например, в лагере № 525 проведен геннековский декадник, по окончании которого победителям предоставили право подписи под письмом, адресованном А. Геннеку. Наивысшую производительность труда показали в лагерном отделении № 3, роты которого работали на шахте «Редаково-Северное» и строительстве новых шахт. Их производительность равнялась соответственно: 126,5%, 125,4%, 146,7%, 142,6% и 153,8%. В режимном лаготделении № 7 бригада военнопленного Гальтмана на строительстве выполнила норму на 416%. Бригада военнопленного Монтай, состоящая из 11 человек, работая на мехзаводе в Сталинске, выполнила декадное задание на 220%. Настоящий рекорд установил военнопленный Мокрый Генрих, 17 июня 1947 г. на каменном карьере выполнивший норму на 1014% и заработавший за смену 152 руб. 70 коп.¹⁴

Военнопленные, содержащиеся в лагерном отделении № 1, обслуживавшие шахты треста «Молотовуголь», в течение месячника германско-советской дружбы в 1949 г. до отъезда домой (в июле) выполняли государственные нормы не ниже 100%. В среднем из 100 человек, работающих на производстве, выполняли и перевыполняли государственные нормы 80 военнопленных. Средний заработок за смену составлял до 20–25 руб.¹⁵

Таким образом, антифашистская работа, отлаженная на протяжении 1940-х гг. в лагерях для военнопленных западносибирских областей, внесла довольно значительный вклад в организацию трудового использования контингента лагерей и

соответственно во многом способствовала решению жилищно-бытовых проблем военнопленных, улучшению их морально-психологического состояния. Но, с другой стороны, любой «стахановский прорыв», достижение любой ценой намеченных непомерно высоких плановых показателей, приводил к нарушению сложившегося экономического ритма промышленных объектов. К тому же за подобные «прорывы» приходилось расплачиваться здоровьем и человеческими жизнями, но во имя достижения «великой» цели все средства были хороши.

«Воспитание» новых сторонников социалистического строя происходило с большим трудом и зачастую наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а иногда открытую конфронтацию и реваншистские настроения контингента лагерей. Тем не менее, с помощью антифашистских комитетов в лагерях, спецгоспиталях, рабочих батальонах удалось существенно сократить количество диверсий и саботажа, снизить производственный травматизм, что, безусловно, повлияло на укрепление режима и организацию трудового использования военнопленных в Западно-Сибирском регионе.

Примечания

- 1 Архив информационного центра Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее – ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.
- 2 Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 10и. Д. 1. Л. 150.
- 3 РГВА. Ф. 4п. Оп. 18. Д. 23. Л. 15.
- 4 ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 5. Л. 65.
- 5 Подсчитано по: Информационный центр Главного управления внутренних дел Алтайского края (далее – ИЦ ГУВД АК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 23. Л. 67–89; Информационный центр Главного управления внутренних дел Тюменской области (далее – ИЦ ГУВД ТО). Ф. 21. Оп. 2. Д. 12. Л. 13–17; ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 54. Л. 65–77.
- 6 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 335. Л. 65.
- 7 ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 22. Л. 20 (об.), 116–117.
- 8 РГВА. Ф. 124п. Оп. 1. Д. 6. Л. 135–141.
- 9 РГВА. Ф. 1п. Оп. 3и. Д. 35. Л. 201.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 842. Л. 41–42.
- 11 ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 5. Л. 78.
- 12 РГВА. Ф. 4п. Оп. 21-н. Д. 393. Л. 1–5.
- 13 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 987. Л. 134.
- 14 РГВА. Ф. 3п. Оп. 6. Д. 2. Л. 63–65.
- 15 Мемориальный музей немецких антифашистов (далее – ММНА). Ф. 1661/104. Л. 52.